

«Яркая жемчужина итальянской литературы».

Convenzionali

АЛЕССИО ФОРДЖОНЕ

Неаполь, любовь моя

ПОБЕДИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
«ПЕРЕСЕЧЕНИЯ: РОССИЯ – ИТАЛИЯ»

Алессио Форджоне
Неаполь, любовь моя

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6-44

Форджоне А.

Неаполь, любовь моя / А. Форджоне — «РИПОЛ Классик», 2018

ISBN 978-5-386-13695-6

Тридцатилетний Аморесано живет в Неаполе и пока не нашел своего места в мире. За поисками работы, футболом по телевизору и вечерами в барах дни сливаются в один, а средства на существование неумолимо подходят к концу. Однажды он знакомится с красивой девушкой и влюбляется в нее. Судьбоносная встреча разжигает в нем желание жить, творить и быть счастливым. Но любовь требует больших жертв, и Аморесано может сгореть в этом пламени быстрее, чем в одиночестве...

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6-44

ISBN 978-5-386-13695-6

© Форджоне А., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Виа Джустиниано	6
Пьяцца дель Джезу Нуово	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алессио Форджоне

Неаполь, любовь моя

This edition was published by arrangement with MalaTesta Literary Agency, Milan, and ELKOST International Literary Agency, Barcelona.

© 2018 Alessio Forgione, all rights reserved. Original edition: 2018 by Enne Enne Editore, Milano

© Богданова Я.А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

* * *

*Лоренце, Элизе, Винченцо, Газтано, Розарии, Марии, Раффаэле,
Дарио, Франческо.*

*Пожалуй, они правы, помещая любовь в книги, – спокойно думал
он. – Пожалуй, только там ей и место¹.
«Свет в августе», Уильям Фолкнер*

*Еще одна песня, и все закончится,
Но я не собираюсь петь вам о девушке,
Я не собираюсь петь вам о девушке...
Я собираюсь петь вам о девушке,
От нее и до Вечности*

*Nick Cave and The Bad Seeds
(из фильма «Небо над Берлином»)*

¹ Перевод В. П. Голышева. – Здесь и далее примеч. редактора.

Виа Джустиниано

Было на удивление холодно, ледяной воздух со всего маху ударил мне в нос. Но пришлось все же выйти на улицу. Я засунул руки в карманы и плотнее запахнул пальто. Стоило отойти от вокзала, как начался дождь. Я, как обычно, пришел слишком рано и теперь ждал, спрятавшись под навесом на автобусной остановке. Мимо торопливо проходили люди, пряча глаза под зонтами, и только памятник Данте, серый, как небо, неподвижно стоял на своем месте. Я потопал ногами и закурил, дым царапнул горло, и я выбросил сигарету. Руки невозможно было вытащить из карманов. Я ждал. Мэри и Макс. Ее я знал всю жизнь, а его – с тех пор, как они стали встречаться, он, как и я, любил выпить, так что мы быстро сдружились, часто болтали за барной стойкой. Мэри позвонила и сказала, что они переезжают в Братиславу, мне показалось правильным прийти попрощаться лично.

Я заметил, как ко мне подходят двое, и сразу подумал о плохом. Опустил взгляд.

– Можно тебя *всего* на минуточку? – обратился ко мне первый.

– Мы мормоны и *вверим* в Бога. Ты *вверишь* в Бога? – спросил второй.

Оба были в белых рубашках, желтых галстуках и черных пальто.

Они объяснили, что приехали из штата Нью-Йорк, их зовут старейшина Бергер и старейшина Фрэнсис, они уже шесть месяцев в Неаполе и по вторникам и четвергам проводят бесплатные занятия по английскому языку. Пригласили меня.

– Виа Ареначча, 62, – сказал на прощание старейшина Бергер, пожал мне руку, вручил листовку, улыбнулся, и оба удалились.

Я ждал.

Когда они пришли, я обнял Макса и поцеловал Мэри в щеку. Мы решили поесть пиццы и сели за уютный столик недалеко от печи.

– Итак, Братислава? – спросил я.

– Так уж получилось, – ответила Мэри.

Одна фирма там искала сотрудников со знанием итальянского, чтобы вести по телефону переговоры с клиентами из Италии, предлагала годичный контракт, который впоследствии мог стать бессрочным. Плюс к этому – бонус от словацкого правительства, потому что они приезжают на уже гарантированные рабочие места.

Три пиццы – две «Маргариты» и одна «Маринара», кока-кола и две большие бутылки пива «Перони».

– Это для начала, – сказал Макс официантке, та улыбнулась. Потом обратился ко мне: – А ты? Как жизнь, чем занимаешься?

Я ответил, что рассылаю резюме, погода слишком холодная, а больше в моей жизни ничего не происходит. О том, что пытаюсь писать рассказы, не сказал.

– А на корабле больше работать не хочешь?

Я ответил, что не хочу, поднял бутылку пива и чокнулся, чтобы сменить тему.

Принесли нашу пиццу, и она оказалась просто отвратительной.

– Отличная пицца, – заявил Макс.

– Моя тоже, – сказал я, чтобы не выглядеть занудой.

За едой мне рассказали, что в Братиславе сейчас семь градусов, а к их приезду будет еще холоднее, что они уже нашли жилье, две комнаты, недорого, и наконец у них появились деньги, чтобы уехать и жить вместе. Они казались такими счастливыми и красивыми, пока делились со мной своими планами.

– А как у тебя с женщинами? – спросил Макс.

Я ответил, что завязал с ними – слишком дорого обходятся.

Мы посмеялись. Потом Мэри встала и пошла платить.

Мы вышли на улицу и отправились на поиски солнца, но так и не смогли его отыскать. Переулки сжимали нам горло, но не причиняли вреда. Мы зашли в бар, и я предложил ребятам кофе. Себе взял «Уникум».

– Приезжай, когда захочешь. Даже если квартира будет вот такой крошечной, – Макс сложил пальцы колючком, поднес к правому глазу. – Для тебя местечко всегда найдется.

Мэри согласно закивала.

Не хотелось бросать их там, вот так внезапно. Мы вместе дошли до станции метро «Толедо», люди все так же быстро проходили мимо, магазины были открыты, продавщицы стояли в дверях и курили, чтобы убить время. У эскалатора я обнял и поцеловал обоих. Пожелал удачи и сказал, что буду вспоминать их каждый раз, когда замерзну. Они спустились на эскалаторе, я выбросил сигарету. Светящийся термометр на виа Пиньясекка показывал два градуса. Я ускорил шаг, прошел через турникет без билета. На платформе было полно народа.

Я стоял, окруженный незнакомцами, и думал, что ни разу в жизни не рассматривал вариант уехать, даже в теории. Я только пытался что-то создать, улучшить, чтобы заодно и самому стать лучше, взрастить что-то и самому вырасти, на все это уходит так много времени, слишком много, а по сути ничего не меняется. Мне стало страшно от мысли: а вдруг я просто сижу на обочине дороги и жду, когда что-то произойдет или кто-то остановится и подберет меня?

Несмотря на запрет, один синьор закурил. Две девушки протиснулись сквозь толпу и встали передо мной. Им было лет по четырнадцать, не больше.

– На Рождество я ездила к тете в Пьемонт, – сказала одна, в красном шарфе, закрывающем подбородок. – Там обычно гораздо холоднее, чем здесь.

– Врагу не пожелаешь, – отозвалась вторая, в гольфах выше колен. Я подумал, что со временем она превратится в красавицу, а вот у подруги шансов нет.

– Я там познакомилась с одним парнем, – сказала дурнушка. – Мы теперь переписываемся. Он мне нравится, но живет далеко.

Вторая положила ей руку на плечо. Черный лак на ее ногтях выглядел как уродливые нелепые кляксы.

– Не волнуйся, – успокоила она подругу. – Все получится, если это настоящая любовь.

И рассказала, что, когда пришло время перевести их отношения на новый уровень, Марко был не уверен, ведь он жил в Ноле, а это три пересадки на поезде, но она верила в их любовь и ответила, что может приехать куда угодно, надо только купить проездной на месяц. Они стали встречаться и летом часто виделись, почти каждый день, но с началом октября стало сложнее, потому что отец потерял работу и денег на проездной не осталось. Они с Марко стали чаще переписываться и звонить друг другу, встречались раз в две недели и надеялись, что этого будет достаточно.

– Вот же невезуха! – воскликнула подружка.

– Ага, – согласилась красотка и потом сказала, что под Рождество в почтовом ящике, среди рекламных листовок и счетов, она нашла письмо. Сначала испугалась, увидев на конверте свое имя, подумала, что это письмо из школы, а потом удивилась. Открыла конверт и обнаружила там билеты на проезд в общественном транспорте на сумму в 50 евро и листок, на котором красным фломастером было написано: «Счастливого Рождества. Люблю тебя. Марко».

– Божечки, как это мило, – сказала дурнушка, и я тоже подумал: «Божечки, как это мило».

– Поэтому не переживай, – повторила красотка. – Все получится, если это настоящая любовь.

В туннеле появились фары поезда, а я почувствовал себя таким отвратительно обыкновенным, что стало грустно. Куда лучше было бы оказаться на месте Марко или этой симпатичной девушки, снова вернуться в юность, когда можно было просто любить, не думая о риске

и последствиях. Лучше было бы оказаться на месте Лоренцо Инсинье², просто достать кошелек, подойти к кассе и купить этой девушке проездной. Я бы с удовольствием стал кем угодно, только не собой. Поезд приклеился к платформе, и за секунду до того, как народ пошел на штурм в попытке занять свободные места, я подумал, что у этой девушки было билетов на 50 евро, а у меня и одного билета не было, и это уж скорее она могла бы раскошелиться ради меня.

Охранник отстегнул цепь, преграждающую выход на платформу, бросил ее на землю, и мы все дружно направились к поезду.

В толпе я потерял девушек из вида.

Я позвонил Русскому и сказал, что зайду к нему пораньше, сразу после собеседования, потому что не хотел потом торчать на улице и ждать.

Русский ответил, что это не проблема.

«Фирме, занимающейся разработкой медиакампаний для международных некоммерческих организаций требуется...» Я отправил им резюме и мне перезвонили.

Я вошел в отель «Медитерранео», оставил свои данные на стойке регистрации.

– Номер 221, – сказали мне.

Нужная мне дверь, в конце длинного белого коридора, была открыта.

Я постучал в стену, и какой-то тип за столом указал на стул перед собой. Я сел. Мы были примерно одного возраста, поэтому я чувствовал себя не в своей тарелке.

– Итак, ты Аморесано, – сказал он, прочитав мое имя на листке. – Мы работаем с «Теле-тоном».

А потом рассказал, что они планируют коммуникации, у них маленькая фирма, но в скором времени планируется рост, фирма молодая, идеально подходит амбициозным людям и тем, кто мечтает проявить себя, вырасти, улучшить свои навыки и заработать, но прежде всего – вырасти.

– Что скажешь? – спросил он, одной рукой поправив идеально ровный пробор. – У тебя есть опыт работы?

Я ответил, что все написал в резюме, а он сказал, что не успевает читать все резюме. Поэтому я сосредоточился на главном. Рассказал, что получил диплом политолога и работал в одной кейтеринговой компании на кораблях, сперва стоял за кассой в баре, но постепенно мне стали доверять задания поважнее, и так я проработал шесть лет, пока не стал одним из важных сотрудников, боцманом. Еще у меня есть второе образование в сфере социологии, я говорю по-английски и немного по-испански, а с кораблями завязал, потому что там у меня не было возможностей для профессионального роста, а для меня рост – это самое главное в жизни, особенно если я хочу и дальше мечтать о карьере баскетболиста. Я рассмеялся. Он нарисовал линию на листке.

– Что скажешь о нашем объявлении, Аморесано?

Я ответил, что оно меня заинтересовало.

– Мы ищем молодых людей, которые умеют работать в команде. Ты умеешь?

– Да, на корабле...

– Оставь в покое корабль. Ты умеешь работать с людьми?

– Да.

Еще одна линия на листке.

– Я думаю, мы можем попробовать. – Он объяснил, что скоро начнется новая кампания, так что я появился в нужном месте и в нужное время. – Попробуешь?

Я кивнул и улыбнулся:

– Что надо делать?

² Итальянский футболист, нападающий сборной Италии, капитан клуба «Наполи».

– Работать с нами.

– Хорошо.

– Ты рад?

– Конечно, – ответил я.

– Хорошо.

– Но что конкретно надо делать? Какие у меня будут обязанности?

– Те, что указаны в объявлении, работать с нами.

– Но в объявлении написано только, что вы ищете сотрудника.

– Да, для новой кампании.

– Я в замешательстве, – признался я и снова улыбнулся.

– Если ты хочешь работать, если ты любишь работать в команде, работать с людьми, ты должен согласиться.

– Послушайте, – сказал я, но он прервал меня и попросил обращаться на «ты». – Слушай, я не уверен, что понимаю.

Он достал портмоне из ящика стола:

– Будешь кофе?

Я отказался.

Кофейные автоматы стояли недалеко, до меня доносился звон монет, которые он заталкивал внутрь, одну за другой. Я рассматривал обувь: черные туфли и кроссовки, новые. Я уже лет десять не носил кроссовки, но решил, что куплю их себе на приближающееся тридцатилетие. Даже если ты уже не так молод, как хотелось бы, ты, по крайней мере, можешь одеваться по молодежному, подумал я, когда увидел те кроссовки в витрине магазина.

– Итак, – сказал тот тип, снова садясь на свое место напротив меня. – На чем мы остановились?

– Пытались во всем разобраться.

– Отлично. Скоро начнется новая кампания. Графика просто революционная.

– Замечательно.

– Мне нравится, что ты понимаешь, как это важно.

– Конечно.

Он сложил пальцы обеих рук «домиком», уставился на меня поверх них.

– Революции состоят из множества событий, в них участвует множество людей, они складываются из множества факторов. Из какого ты района?

– Соккаво.

– Рядом со стадионом. Отлично. У нас новая графика, она поспособствует быстрому развитию.

– Можно взглянуть?

– Она еще не готова.

– Ладно.

– Да, будет готова через несколько дней. О нас еще заговорят, вот увидишь.

Я промолчал, но подумал, что вместо этого собеседования предпочел бы оказаться в тишине дома, затерянного в зелени Прочиды, вдали от всех, только сад и собака. Промолчал о том, что был на Прочиде с Русским позапрошлым летом всего неделю и не хотел возвращаться. Промолчал о черном песке на пляже и о темной воде... и о том, что выпивка стоила дешево, а мы спускались к маяку понырять и гонялись за рыбами до полного изнеможения. Вместо этого я сказал, что уже поздно и мне пора идти. Тип ответил, что это не проблема и наше собеседование было очень продуктивным.

– Послушайте, – сказал я, и он снова перебил:

– Давай на «ты».

– Ты можешь сказать, что я должен буду делать?

Воцарилось молчание.

– Хорошо, – сказал он через минуту и улыбнулся.

Взял ручку и постучал ею по столешнице. Откинулся на спинку стула, будто готовясь к прыжку, потом выпрямился и положил локти на стол.

– Ты должен будешь работать в команде, общаться с людьми. У нас есть два продукта: азалии и брелоки для ключей. Наша политика – не продавать их, а обеспечивать спрос. Что скажешь? На площадях, пять часов в день.

Я сидел молча и не двигался.

– Тебе заплатят.

Внутри меня разрасталось чувство вины, не подвластное ничему. Я чувствовал себя виноватым перед собой, перед своим настоящим и перед тем, что должно было стать моим будущим, виноватым даже перед этим типом, вынужденным зарабатывать на жизнь таким абсурдным способом. Думал, может быть, его унижает происходящее, потому он и держал меня здесь, пытаюсь как можно дольше не говорить то, что должен был сказать. Я хотел спросить, больно ли ему так же, как больно мне, но не спросил. Сказал, что мне пора идти, а он ответил, что ему жаль, но кто-то должен и такую работу делать, а потом пожал мне руку. Я вышел из комнаты, и те, на стойке регистрации, мне улыбнулись. Я предположил, что они подслушивали.

За дверью гостиницы город был похож на умирающего зверя, на увядающий цветок. Люди проходили мимо и, казалось, не замечали этого. Мне захотелось закричать им в лицо. Крикнуть что-то, неважно что. Может обозвать их маленькими кусочками огромной кучи дерьма, не знаю.

Я купил билет на фуникулер. Подъехал маленький поезд, остановился, а потом принялся медленно карабкаться на холм, таща с собой пассажиров. Я рассматривал людей в вагоне, потом, когда вышел, людей на улице. Ждал зеленого сигнала светофора, и все эти люди казались мне лучше меня, потому что у них была работа, а у меня ее не было. У всех было место в этом мире. У всех, кроме меня.

Я перешел на виа Палицци, где жил Русский. Далеко впереди, между домами, виднелось море, уже абсолютно черное. Сосны, тишина, порядок – все это ясно говорило мне, что в этом районе могут жить только богачи, а я тут – чужак. От осознания того, что единственный бедняк на всей улице – мой друг, лучше не стало.

Я позвонил в домофон. Русский ответил, что дверь открыта, а он в ванной.

– Эй! – крикнул я, когда вошел в квартиру, но никто не отозвался. Только журчал слив в туалете.

Я прошел по коридору в гостиную. Подошел к столу, освещенному лампой, в воздухе висел удушливый запах клея, под лампой лежала частично собранная модель танка. Русский работал барменом в заведении, куда я ходил. Сперва просто выпить, а потом мало-помалу стал ходить, чтобы поболтать с ним. Обычно я упрекал его, что эта дружба уже стоила мне части печени и что мы никогда бы не подружились, если бы он сразу рассказал о своем увлечении моделизмом.

Я открыл окно и вышел на балкон.

В темноте огни домов казались светлячками, днем же слева открывался вид на острова, часть города и Везувий. Летом мы брали бинокли и рассматривали яхты, стоящие на рейде в заливе. Читали названия на корме, потом искали в Интернете их водоизмещение и прочие характеристики.

Я повернулся. Справа была вилла, похожая на греческий храм. Я вытащил сигарету. Закурил. Пришел Русский.

– Мерзость, – сказал я, мотнув головой в сторону города, лежащего у наших ног.

Он молча протянул мне стакан водки с тоником. Мы чокнулись вопреки всему.

– А кто живет на этой вилле рядом? – спросил я.

- Автор «Шампанского», песни Пеппино Ди Капри.
- Деньги?
- Сколько угодно.

Каким образом Русский ухитрился жить вдвоем с мамой в таком престижном районе, среди людей со статусом, и при этом ничего не тратить, было для меня полной загадкой. Я спрашивал его много раз, но в ответ слышал только туманные фразы. У Русского был еще и дом в Анакапри. Мы были там прошлым летом и собирались когда-нибудь вернуться, хотя поездка на Прочиду мне понравилась гораздо больше.

– Мы можем заказать пиццу, или на кухне есть картофельная фриттата, мама сегодня готовила на завтрак, – сказал Русский.

Я посоветовал не тратить деньги.

Мы накрыли стол в гостиной. Налили еще по водке с тоником, перед тем как приступить к еде.

– Короче, Омар – самый лучший герой, – сказал Русский.

Я как-то раз заговорил о «Прослушке»³, и оказалось, что он тоже смотрит этот сериал. Я согласился, Омар и мне казался самым лучшим героем.

После ужина мы вернулись в комнату. Я рассматривал маленькие фигурки танков в стеклянных футлярах. Русский сидел за письменным столом и приклеивал кусочек к модели.

– Думаю, мне пора, – сказал я.

– Не хочешь сначала посмотреть фильм? – спросил он.

Я уточнил, что хотел сказать – пора уезжать из города, Русский ничего не ответил, только принялся складывать в выдвижные ящики разные предметы со стола, чтобы чем-то занять руки, найти повод отмолчаться, ведь Русский жил так же, как я, стараясь экономить на всем. Наконец, когда на столешнице ничего не осталось, он спросил, куда я собираюсь ехать. Я ответил, что пока не решил, надо подумать.

Мы выбрали, какой фильм будем смотреть, снова наполнили стаканы.

«Агирре, гнев Божий». Я сомневался, что это правильный выбор, фильм грозил меня убаюкать.

– Он просто потрясающий, – ответил на мои сомнения Русский.

Последнее, что я помню, это сцена, когда актеры сидят на берегу реки и едят. Проснулся уже ночью, Русский опять сидел за письменным столом, клея модели.

– Эй! – окликнул его я.

– Эй! – отозвался он и повернулся. Стянул с лица маленькую маску.

Я вопросительно дотронулся до своего носа.

– Клей, – пояснил Русский, отвечая на мой немой вопрос о маске. – Пары клея очень вредные.

Я встал и потянулся, чтобы размять мышцы:

– Мне пора.

Выпил немного водки с тоником и попрощался.

Наши дома разделяли три километра фонарей и собачьего дерьма. Я прошел весь путь пешком, молча, – если бы у меня были деньги на такси или собственная машина, эти три с половиной километра казались бы солидным расстоянием. Но сейчас я их даже не заметил. Да и денег на такси все равно не было, поэтому ничего другого не оставалось, только идти пешком.

– А ну зайди в дом, сейчас же, – донеслось из кухни.

– Да. – Я не сдвинулся с места.

³ Американский сериал HBO «The Wire».

Я стоял на коленях на балконе и во все глаза таращился на соседний дом сквозь перила. Было лето, никакой учебы, и я обожал торчать на улице.

– Кикко-о-о-о! – Воздух зазвенел от пронзительного вопля.

Я поднялся на ноги, три шага через гостиную, которая потом станет моей спальней, и вот она, кухня.

– Ты был на балконе и смотрел на дом напротив? – спросила бабушка, надевая белую рубашку без рукавов и черную юбку.

– Нет, – ответил я, наблюдая, как она достает из морозилки замороженную бутылку воды.

Открывает сумку-холодильник – внутри все было серебристым. Засовывает бутылку в сумку, застегивает молнию. Кладет сверху два больших полотенца. Смотрит на меня.

– Возьми плетенку, – попросила она.

Все было готово к походу на море, но моя бабушка не умела плавать. Поэтому была нужна веревка, которую мы обычно использовали для того, чтобы спускать плетеную корзинку с балкона или с лестницы.

Мы вышли на улицу и пошли, не задаваясь вопросом, куда именно идти.

– Почему ты не умеешь плавать? – спросил я бабушку.

– Потому что меня никто не учил.

– А почему тебя никто не учил?

– Потому что там, где я выросла, моря не было.

За подземным переходом был городской пляж, а напротив – Низида, на воду невозможно было смотреть, так слепили блики солнца, стоящего в зените.

– Дай мне полотенца, – скомандовала бабушка.

– Мы пойдем купаться? – спросил я.

Она встала и ответила:

– Возьми веревку из сумки.

Сняла рубашку, потом юбку. На ее ногах проступали тонкие синеватые вены.

– Но я умею плавать! – запротестовал я, со всей силы пиная песок.

– Дай руку.

– А если я научу тебя плавать?

– Завтра, – сказала она и обвязала мое запястье двойным узлом.

– Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня! – ответил я, бабушка засмеялась, потому что сама постоянно говорила мне такое, когда я не хотел делать домашнее задание.

Мы зашли в воду. Два шага, и вода мне уже выше пупка. Я оглянулся – бабушка стояла как раз на границе прибоя, куда не докатывались волны и песок был светлее. Даже ног не замочила. В одной руке она держала свободный конец веревки, а в другой – ту ее часть, которая была привязана ко мне.

– Я пойду? – крикнул я ей.

– Не вздумай нырять!

Я помахал бабушке рукой, а потом нырнул, но не успел даже толком погрузиться, не успел забыть обо всем, открыть глаза под водой, как веревка на моей руке натянулась.

– Тебе понравилось? – спросил я бабушку, едва вынырнул, и закрыл лицо ладонями.

– Очень понравилось, но больше так не делай.

– Еще разок.

– Нет!

– Но я для тебя это сделал!

Бабушка огляделась по сторонам, словно пытаясь вспомнить, под какой именно камень спрятала все те причины, по которым решила отвести меня на пляж.

– Ну, всего разочек, – взмолился я.

– Хорошо, только быстро.

Я снова нырнул. Один раз, второй, третий, так быстро, как только мог, пока бабушка не успела ничего сказать и не вытащила меня из воды. Я открыл глаза и заново увидел мир – красные и темные стены домов рядом с пляжем, трубы фабрики, бабушку, уже стоящую неподвижно не где-то там, далеко, а совсем рядом со мной, по колено в воде.

– Живо иди сюда! – крикнула она. Я рассмеялся в ответ. – Живо иди сюда!

– Нет!

– Все, идем домой. – Бабушка дернула за веревку, моя рука взмыла в воздух.

– Нет! – Я рванул веревку на себя так сильно, что бабушка оказалась по пояс в воде.

Она глянула на свои ноги, ставшие лазурными под водой. Потом посмотрела на меня широко раскрытыми глазами:

– Вот ты сейчас у меня получишь, даже не представляешь как, а ну, быстро вылезай!

Я засмеялся и снова потянул за веревку.

– Ох, как я тебя вздую, мало не покажется, – крикнула бабушка, когда вода поднялась ей выше живота и расползлась мокрым пятном по груди, вымочив купальник.

– Бабушка, а если я нырну?

– Я тебя прибью!

– Но тут неглубоко.

– Я тебя прибью, клянусь, прибью!

Я принялся сматывать веревку, перебирать руками, подтягивая бабушку к себе.

– Кикко, послушай меня, – сказала она. – Я тебя так вздую, что ты всю жизнь это помнить будешь.

– Готова? – спросил я, когда веревка, соединяющая нас, стала не длиннее пары метров.

– Мы больше на море не пойдем, клянусь.

– Готова? Ну, готова? – твердил я.

– Все, теперь будешь ходить на море только с дедом.

Бабушка, подстегиваемая страхом, теперь не стояла как истукан, а пыталась схватить меня. Я скакал из стороны в сторону. Напротив, за спиной у бабушки, виднелся причал.

– На счет «три»! – крикнул я.

Бабушка так громко заорала мое имя, что эхо разнеслось на несколько километров.

– Набери немного воздуха, бабушка, – потребовал я.

Она смирилась и открыла рот, чтобы вдохнуть поглубже. Потом закрыла глаза и кивнула, показывая, что готова.

– Три! – завопил я.

Пузырьки воздуха поднимались к поверхности и лопались по пути. Колени погрузились в жидкий песок на дне. Я больше не чувствовал сопротивления и был уверен, что бабушка тоже нырнула. Я выпустил веревку и вынырнул. Бегом бросился на берег и уже оттуда увидел ее короткие вьющиеся черные волосы, прилипшие ко лбу. Капли быстро скатывались с кончика ее маленького круглого носика. Покатые плечи, большие руки. Она подняла голову:

– Вот я тебе сейчас покажу!

Я засмеялся и подпрыгнул, высоко поднимая колени и протягивая руки к небу. Я ликовал, не думая о возможном наказании.

Бабушка подошла к полотенцу. Наклонилась и подобрала с песка брошенную кем-то лопатку. Желтую.

– Я тебе так по заднице надаю, что она красной станет, как у мартышки, – спокойно, даже миротворенно сказала она мне.

Подняла над головой лопатку, и это послужило сигналом.

Я бросился бежать, бабушка следом. Мы так долго бежали с ней, связанные веревкой, что почти добежали до какого-то другого места, но я не хотел уезжать из Баньоли. А потом я проснулся и пошел умываться.

Глядя на себя в зеркало, вспомнил, что бабушка умерла почти десять лет назад, сейчас зима и я уже не ребенок.

Я открыл крышку ноутбука и записал то, что мне снилось.

В тот день я больше ничего не делал.

Виа Ареначча, 62, говорили мормоны, в 18. 45

«ЦЕРКОВЬ ИИСУСА ХРИСТА СВЯТЫХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ», – возвещала карточка, наклеенная на стеклянную дверь, сейчас закрытую. Внутри было темно, и я увидел свое отражение в стекле. Какой-то старик подошел и толкнул дверь – по-прежнему закрыто.

– Никого нет, а? – спросил он меня.

Я подтвердил, что никого нет, старик развернулся, подошел к лавочке и выругался сквозь стиснутые зубы – слова звучали резко, отрывисто, как приступ икоты или выстрел из винтовки.

Я подумал, что терпеть не могу бедняков, себя в том числе.

Закурил сигарету, за дверью зажегся свет. Я выбросил сигарету. Дверь открыл парень с рыжими растрепанными волосами. Он представился старейшиной Джеком. Я пошел за ним вверх по лестнице, старик двинулся следом. Зал оказался большим и пустым, из кондиционеров струился теплый воздух. Я уселся в глубине зала, у прохода. Десять минут спустя все места были заняты, передо мной сидел чернокожий, рядом со мной – двое со Шри-Ланки. Через проход сидели три китайки, две девушки, похожие на украинок, русский и человек двадцать неаполитанцев.

– А теперь помолимся, – сказал старейшина Джек и спросил, есть ли доброволец.

Встал один в красном спортивном костюме. Молитвенно сложил руки и опустил взгляд. Все остальные тоже смотрели в пол.

– Боже Милостивый, – сказал он, – мы благодарим тебя за этот день, который ты нам подарил на этой земле. Благодарим тебя за уроки английского, которые дают мормоны, и за их работу по нашему духовному просвещению. Защити нас и наших близких. Аминь.

Вошел другой мормон. Тот самый, который дал мне листовку.

– Группа начального уровня остается тут со мной. Продвинутые идут туда, со старейшиной Бергером, – сказал нам старейшина Джек.

Я поднялся и пошел в другой зал.

– *Сегодня поговорим о супермаркете, – сказал нам старейшина Бергер. Достал ксерокопии из пластиковой папки. – So, which is the first product in a supermarket? The first one you can see, when you come in?*⁴

Мы все задумались над ответом, и в этот момент дверь распахнулась. На пороге появился мужчина, и первое, что я заметил, были его туфли из коричневой кожи, уже довольно стоптанные, кое-где лопнувшие по швам. Куртка темно-синего цвета. Из дыры на плече выглядывало гусиное перо.

– Добрый вечер, – сказал он, пожав руки всем, включая меня. – Риккардо, очень приятно.

– Привет, – ответил я.

Мужчина снял куртку и сел. Зеленые вельветовые штаны протерлись на коленях. Он уселся поудобнее, откинулся на спинку стула. Заправил за уши волосы, оттопырив мизинец. Я подумал, что ему, наверное, нравятся мужчины. Ясно как день. Он принялся задавать вопросы старейшине Бергеру, и урок отступил на второй план. Риккардо говорил и каждым своим движением, каждым своим словом посылал сигналы, все больше подтверждающие мои предполо-

⁴ «Итак, какой первый товар в супермаркете? Самый первый, который вы видите, когда заходите?» (англ.)

жения. На его лбу словно зажглась огромная надпись о том, что ему тоже хочется насыщенной и богатой жизни и настоящей любви, от которой разбивается на части сердце и вырастают крылья, но в сортирах на пьядца Гарибальди или в переулках центра ему доставались лишь минеты от мужчин, которые и не поцеловали-то его ни разу, что уж говорить о нежных чувствах.

– *Well.* – Старейшина Бергер попытался прервать поток его вопросов. – *Stay focused on the supermarket. Which is the first product, on the first row?*⁵

– *Vegetables, I suppose*⁶, – ответил ему Риккардо.

– *Right, good. Can you explain us why?*⁷

Посыпались предположения. Кто говорил, что таким образом супермаркет показывает, что в нем продают натуральные продукты, другие говорили, что скоропортящиеся продукты проще заменить, если они лежат у двери. Никто ни с кем не соглашался. Мы попросили помощи у старейшины Бергера, а тот заявил, что и сам не знает, почему все так, и может только предполагать.

Через час мы вернулись в первый зал.

– А теперь *поигфаем*, – обратился старейшина Бергер ко всем сразу.

Мы встали в один большой круг, мормоны – рядом друг с другом. Я оказался между русским и одной из китайнок.

– *Игфа* называется «испорченный телефон». Я скажу что-нибудь своему соседу, он – другому и так дальше по *кфугу*, пока очередь не дойдет до старейшины Джека, и тогда мы узнаем, что же это была за фраза. Хорошо?

Человек, стоявший рядом со старейшиной Бергером, хихикнул и скорчил гримасу изумления, услышав то, что ему сказал мормон, а потом склонился к уху соседа. Фразу передавали по кругу, от одного человека к другому, из уст в уши, пока очередь не дошла до меня. Мне показалось, что русский сказал «*let book soup*»⁸, это выглядело полной бессмыслицей, поэтому я на секунду задумался. «*Let it bleed*»⁹, – прошептал на ухо китайке, она взглянула на меня растерянно, а я спросил себя, что за музыку, черт побери, слушают китайцы.

Круг замкнулся.

– *My god*¹⁰, – ошеломленно воскликнул старейшина Джек, подошел к старейшине Бергеру, прошептал ему что-то на ухо, и оба засмеялись.

Потом старейшина Джек взял черный маркер и подошел к доске. Начал писать.

– Смотрите, – сказал он, стоя спиной к нам. – Фраза звучала: «*I love blood orange juice*», я люблю сок из красных апельсинов. Но она обошла всех вас, и чье же пришествие мы в итоге наблюдаем?

Он обернулся и посмотрел на нас.

– Месси, – сказал он. – Пришествие Месси.

Я понял, что именно произошло, только когда увидел надпись на доске – «МЕССИ». Расхохотался от души, остальные тоже засмеялись.

Мы расселись по своим местам. Старейшина Джек посерьезнел.

– Эта игра показывает, как слово Божье может исказиться со временем. Написано было одно, но потом каждый стал предлагать свое объяснение, и все изменилось. Мы верим, что Джозеф Смит на самом деле видел Господа нашего и получил Слово от него, и поэтому слово его верно, и только его слово надо слушать. Аминь.

⁵ «Итак, сосредоточимся на супермаркете. Что это за продукт в первом ряду?» (англ.)

⁶ «Овощи, полагаю» (англ.).

⁷ «Правильно, хорошо. Можете объяснить почему?» (англ.)

⁸ «Давай забронировем суп» (англ.).

⁹ «Пусть течет кровь» (англ.).

¹⁰ «Бог мой» (англ.).

– Аминь, – отозвался старейшина Бергер. Потом опустил голову и стал читать «Отче наш».

Остальные последовали его примеру, а я мечтал поскорее вернуться домой. Эта история о Мессии, внезапно всплывшем на уроке английского языка у мормонов и превратившемся в аллегория, могла стать прекрасной темой для рассказа.

– Всем до свидания. – Я надел пальто и вышел, хотя молитва еще не закончилась.

Я шел по дороге в свете автомобильных фар, бьющих в глаза. Сел в метро на Гарибальди и вышел на Кватро Джорнате. С каждым шагом во мне крепла уверенность – нужно обязательно написать этот рассказ.

Я представлял себе вступление, писал его в уме, исправлял, изменял, бесконечно повторял, чтобы не забыть.

Я пришел домой, поздоровался с родителями. Достал из холодильника маринованные бобы, переложил в чашку. Включил ноутбук. Мой взгляд был устремлен в пустоту, руки застыли над клавиатурой. Я какое-то время сидел вот так, неподвижно, и ничего не писал. Потом начал искать информацию о Джозефе Смите.

Чем больше я читал о нем, тем больше убеждался в том, что мормоны обладают завидной фантазией, но тот факт, что они по-настоящему во что-то верят, несомненно, заслуживал уважения.

Я думал, что переехать в Неаполь из штата Нью-Йорк, чтобы нести волю Божью, это поступок не только безумный, но и романтический. Я еще немного подумал и решил ничего не писать, потому что использовать их веру в качестве темы для рассказа мог бы только циничный и достойный презрения человек, а я на такую мерзость не способен.

Мы два часа решали, куда пойдём. Перебрали кучу вариантов, но в итоге поступили, как обычно. Я ждал Русского в баре на задворках пьядца Данте. Взял маленькую бутылку пива. Снаружи было холодно, в новостях говорили, что кое-где в Кампании шел снег.

Я смотрел на экран и думал, что снег в Неаполе не помешал бы, это стало бы хорошей встряской, позволило бы увидеть все в ином свете, но снега не было, и это раздражало. Казалось, что в очередной раз мне не дают насладиться красотой какие-то высшие силы, которые мне никак не удастся победить. Меня как будто отодвинули в сторону: глупая, незначительная частица, песчинка, с которой никто не считается, которую никто не слушает. Особенно меня беспокоила идея красоты, существующей где-то и при этом недостижимой для меня. Я был в смятении, поэтому отреагировал так, как умел: представил, как чистый белый снег покрывает крыши домов, машины, улицы, его нюхают изумленные собаки, дети бегают, падают и поднимаются, а я иду, с головой погрузившись в эту белизну, одежда промокла, шурюсь от слепящего света. Смотрю по сторонам и получаю удовольствие. Я вообразил и проблемы, которые принесет снег: «пробки», которые непременно образуются в этом хаотическом городе, не готовом к снегопаду, – но, несмотря на это, я страстно мечтал о снеге. Снег все смягчал, все покрывал, он умел это делать, как никто другой. Вся эта белизна, которая ложится поверх чувства вины и в конце концов погребает его под собой. Это было бы отличным оправданием, новым оправданием, чтобы и дальше ничего не делать.

– Что скажешь? – Русский указал на пальто, которое надел сегодня: черное, с капюшоном из плюша. Кроме пуговиц там была еще и серебристая застежка-«молния».

Он заказал водку-тоник с двумя каплями «Ангостуры» и лаймом, расстегнул пальто, но снимать не стал. Рассказал, что ездил в Брушано за новым компрессором для аэрографа, возвращался на машине, увидел пальто и купил.

Я пил из бутылки, Русский потягивал свой напиток через трубочку. Какое-то время мы сидели в тишине, а потом музыка стала уж слишком громкой и противной, даже не знаю, что раздражало меня больше – ее громкость или низкосортность. Буханье электронного барабана,

изливающееся из отвратительных колонок, заставило меня почувствовать себя на дискотеке, а мне совсем не нравились дискотеки, как и все другие места, где нельзя было нормально поговорить. Подростком я думал, что дискотека – это просто убежище для тех, кому нечего сказать друг другу.

– Что за дерьмовая музыка? – заорал я в ухо Русскому.

А тот ответил, что мы не уйдем, пока он не допьет.

Люди столпились в углу, откуда раздавалась музыка, и танцевали, подняв руки к потолку. Я молча смотрел на Русского и думал, что он нарочно пьет так медленно. Наклонился к нему и сказал, что тут не хватает только человека с собакой, и через две минуты зашел человек с собакой, собака была мокрая, потому что снаружи начинался дождь. Тошнотворно завоняло псиной. Русский вытащил из стакана трубочку и положил ее на стойку. Поднес стакан ко рту и одним большим глотком допил то, что там оставалось.

– Идем, – сказал он и застегнул молнию на пальто.

Мы шли, капли все реже и медленнее барабанили по зонту. На пустой и омытой дождем улице был слышен только стук каблучков Русского.

– Где все? – спросил он, когда мы повернули на виа Бенедетто Кроче.

– Наверное, бояться, что под дождем растают, – ответил я.

Мы зашли в бар у Сан Доменико и взяли выпить.

– В любом случае, Сара уже не вызывает у меня интерес, – сказал он, и я почувствовал облегчение.

Русский по большей части только переписывался с этой Сарой, виделись они всего несколько раз. И за все эти месяцы даже не поцеловались ни разу. К тому же у Сары была привычка молчать перед каждым ответом, словно раздумывая над ним. Я сказал – если за столько времени ничего не произошло, может, она хотела сказать, что между ними ничего и не было.

– Очень жаль, она смотрела хорошие фильмы, – ответил Русский, достал очки и бумажный платочек.

Мы сидели в этом баре, со стаканами в руках, когда зашел Марокко; подозреваю, что его так называли из-за смуглой кожи, а Русский получил свое прозвище из-за плохих зубов.

– Все в порядке? – спросил его Русский, и Марокко, который жил в Соккаво, недалеко от меня, рассказал, что его уволили, все произошло так внезапно, он ни в чем не виноват и эта ситуация его страшно бесит.

– Я и отцу так сказал. Если так и дальше пойдет, я с балкона выброшусь, – заявил он.

Заказал бутылку «Теннетс», Русский посоветовал ему найти какое-нибудь занятие по душе, чтобы отвлечься.

– Марокко, – вмешался я, – ты не думал заняться моделированием?

Марокко какое-то время просто пил и молчал. Куртку не снимал. Открыл газету «Коррьере делло спорт», лежавшую на стойке, и стал читать статью о «Наполи». Сказал, что команда – отстой, пшик один, выиграла у «Милана», а потом опять скатилась. Я заметил, что только недалекий человек будет интересоваться футболом, Марокко изумленно посмотрел на меня.

– Иисусе! – Он повернулся за поддержкой к Русскому. – Мы же в прошлом месяце смотрели вместе матч, и ты тоже болел.

– И что теперь? – спросил я.

– Ты теперь тоже отстой, что ли?

– На эти грязные инсинуации даже отвечать не буду.

Русский засмеялся и подмигнул Марокко, тот рассмеялся следом, и я решил, что тема исчерпана, но не тут-то было.

– Будем надеяться, что Милик скоро вернется. Тогда Мертенса опять поставят на левый фланг, где сейчас Инсинье. Это будет самое лучшее, что может сделать тренер.

Я посмотрел на Марокко, но не произнес ни слова. Он не отреагировал на мое молчание. – Инсинье в трех соснах может заблудиться, – сказал он мне.

Я допил пиво, улыбнулся бармену и показал ему пустую бутылку, прося повторить. Подошел к кассе, надеясь, что Марокко обо мне забудет. Расплатился и выпил прямо там, потому что никто не может говорить плохо о Лоренцо Инсинье в моем присутствии.

Я вернулся к остальным. Марокко был несгибаем, как сталь. Спросил, согласен ли я, что Мертенс гораздо сильнее Инсинье.

Я смирился с происходящим. Сказал, что они тупицы и ни хрена не понимают, не поймут даже, когда их в задницу будут трахать, подумают, что хвост растет.

Я сказал, что они неправильно судят об Инсинье, хотят, чтобы он забивал, а он должен не забивать, а создавать моменты, отдавать голевые передачи, организовывать атаку. Я сказал, что Инсинье – последний представитель уже исчезающего вида футбола, и да, еще не реализовал себя полностью, но вот эта его нереализованность и делает его истинным неаполитанцем, а то, что сами неаполитанцы не знают, в чем состоит их суть, это еще один пример их собственной сути. Марокко выпятил губу, выражая несогласие.

– Мертенс – игрок международного класса, – сказал он. Я не ответил. Он достал табак и принялся сворачивать самокрутку. – Инсинье и по-итальянски не понимает. – Марокко посмотрел на меня, потом опять на свои пальцы, укладывающие табак в бумагу. Завернул, облизал край, блеснули зубы. – Мертенс и по-английски говорит. Он более образованный, международного класса.

Я попытался поймать взгляд Русского, но его не интересовал «Наполи». Оставалось только промолчать и сдаться. Я почувствовал себя очень одиноким.

Мы попрощались с Марокко и вышли из бара. Дождя уже не было и, казалось, даже потеплело. Пока спускались по Медзоканноне, я подумал, что уже сыт по горло всем этим, этими словами, бессмысленными и жестокими. Подумал, что, если бы их бросили мне в лицо с другим акцентом или на другом языке, может, тогда они показались бы мне забавными, но произнесенные кем-то из нашей компании они слишком меня задевали, заставляя чувствовать себя жертвой кораблекрушения в открытом море.

Мы вышли на пьядетту Джусто, и даже там никого не было. Сели в очередном баре. Светильники были частью желтыми, частью зелеными. Со стороны кассы доносился джаз, очень старый и банальный. Русский заказал то же, что и в прошлом баре, я – «Уникум».

– Иногда ты мне напоминаешь главного героя «Параноид парка». – Русский часто объяснял что-нибудь с помощью фильмов, для него они очень много значили, гораздо больше, чем для меня.

– У него была работа? – спросил я.

Русский ответил, что главный герой был подростком и ходил в школу.

– Нам бы пригодилась идея, – добавил он. – Чтобы найти работу.

– У тебя она есть?

– Что?

– Идея.

– Нет.

– А если появится, у тебя есть деньги, чтобы начать свое дело?

– Нет.

– Тогда на абордаж.

Я встал и взял себе бутылку «Настро Адзурро».

– Не стоило бы тебе мешать алкоголь, – заметил Русский, а я ответил, что хочу умереть. – Мне кажется, что Сара боится серьезных отношений, но в то же время боится и просто перепахнуться.

– А мне кажется, лучше бы ей исчезнуть, – ответил я.

– Дай прикурить.

– Слушай, да ну ее нафиг, эту Сару.

– Тут можно курить? – спросил Русский у бармена и, дождавшись положительного ответа, закурил.

Мы говорили о том, какой красивый город Анакапри и насколько отвратителен сам остров Капри, с его жирными зажравшимися богатеями, о том, какой зловещей казалась природа в Анакапри. Ночью, когда дул сильный ветер, были слышны только шум листьев и стук веток друг о друга. Днем над тобой возвышались острые серые вершины гор, видимые с любой точки острова. Море тоже было непростым. Кругом скалы. Русский сказал, что попытка нырнуть могла стоить тебе жизни.

– Великолепно, – отметил я.

– Летом мы опять туда поедem, но на этот раз возьмем с собой домашний алкоголь, – сказал он, а пока я говорил, что вместо алкоголя лучше бы взять с собой ружье для подводной охоты, вошли три девушки и подошли к стойке сделать заказ, и Русский замолчал, и Анакапри потемнел и скрылся вдали.

Русский тронул меня за локоть. Мотнул головой в сторону девушек, не отводя от них взгляда. Потом похлопал по свободному стулу рядом с собой:

– Эй, слушай, садись тут.

Девушки смеялись. Думаю, в том числе над нами, потому что иногда поворачивались и смотрели на нас. Взяли свои разноцветные напитки и подошли ближе. Русский продолжал смотреть на них.

– А если мы тут сядем? – сказала одна подружка, указывая на стол.

Другая, оглядевшись, в очередной раз внимательно посмотрела на Русского.

– Ничего, если мы сядем с вами? – спросила она.

Русский не стал возражать, сохраняя спокойствие и не показывая вида, что ждал другого. Их звали Елена, Симона, а как звали третью, я не понял.

Элена, самая смелая, села рядом с Русским. Я поздоровался и назвал себя Джанджакомо. Русский и Элена принялись болтать друг с другом, а две другие девушки стали сплетничать о ком-то или о чем-то, что их обидело. Я разглядывал бар сквозь доньшко бутылки, все вокруг было зеленым. Две подружки обсуждали учебу, потом стали вести себя так, будто разговор касался всех присутствующих, затем снова принялись болтать друг с другом. Я встал, чтобы взять еще пива. Вернулся. Элена и Русский поднялись, Русский заплатил за ее выпивку. У двух ее подружек были пронзительные голоса, пронзительнее даже, чем саксофон контральта, звук которого доносился из колонок. Русский и Элена выпили, а потом, словно так и надо было, поцеловались. С языком. Подружки смутились, онемели, потом засмеялись, прикрывая рты ладошками.

– Все в порядке? – спросил меня Русский, когда я снова сел за стол.

Я кивнул.

– Хорошо, – сказал он. Свернул самокрутку и повернулся к Элене: – Идем, я тебе скажу кое-что важное.

Они вышли. Русский оставил на стуле зонтик. Подружки пересмеивались, изо всех сил показывая, что вся ситуация была очень странной, а они бы на месте Элены никогда бы так не поступили. Я закурил. Подумал, что, если бы в мире не существовало необходимости ждать, сигареты бы не изобрели.

– А ты, Джанджакомо, чем занимаешься? – спросила меня та, что без имени.

– Ничем.

– Не работаешь?

– Завязал.

Девушки обменялись заговорщицкими взглядами.

- А чем занимался раньше?
- Был моряком.
- А потом? Почему ушел?
- Разбогател, больше работать не надо.
- Повезло, – сказала вторая, Симона.

Я подмигнул ей.

- Так холодно, правда? – начала опять та, что без имени.

- Ужасно! – добавила Симона.

Я почувствовал, как внутри бурлит пиво, требует что-то сделать, не упустить возможность.

Я подчинился.

– А вы читали «Прекрасное лето» Павезе? – спросил я, девушки ответили, что не читали. – Главная героиня там начинает работать натурщицей у художника. Она позирует обнаженной, а на улице зима, и они в Турине, без отопления. И в какой-то момент Павезе говорит, что красивые женщины не чувствуют холод, природа сотворила их так, чтобы они могли ходить все время нагишом и не мерзнуть.

Они молчали, просто безучастно сидели.

- И что? – спросила наконец та, что без имени.

Я сказал, что ни на что такое не намекал, просто пытался поддержать разговор.

Девушки молчали, целиком и полностью погружившись в экраны мобильных. Я тоже молчал. Посмотрел на обувь, подтянул носки, потом Русский открыл дверь и пропустил вперед Элену. Они сели.

- Все в порядке? – спросила она у всей компании.

Подруги посмотрели на них и заявили, что уже поздно, им пора идти.

– Мама дорогая, – сказал Русский, едва мы остались одни. – Я успел перепихнуться прямо здесь, в переулке, все по высшему разряду, а ты тут на жизнь жалуешься.

Мы выпили по последней рюмке водки, потому что это надо было отметить. Потом сели в машину, Русский завел мотор и сам тоже завелся. Он всегда начинал болтать, когда садился за руль.

Заявил, что мне пора завязывать со всем этим, что я вырос среди женщин, рядом всегда были мама, бабушка, тети, и все это наложило отпечаток на мое отношение к женщинам, я слишком застенчивый. Слишком их уважаю, отношусь к ним как к чему-то волшебному, а на самом деле они, как и все мы, а может и побольше нашего хотят просто перепихнуться.

Мы остановились на светофоре, поток красноречия Русского прервался.

- Ты понял? – Он явно ждал моего ответа.

- Да, – ответил я, потому что моя голова все равно кивала сама по себе.

Он сказал, что говорит мне такое ради моего же блага. Остановил машину у моего дома, перед закрытым супермаркетом.

– Не парься ты так, – сказал он, и, пока прикуривал сигарету, на лобовом стекле расплылось несколько капель.

Он сказал, что это мокрый снег.

Я уставился на капли. Попытался понять, из чего они состоят, но потом решил, что мне все равно.

- Пойду, – сказал я.

Вышел из машины и подошел к решетке, открыл сначала ее, потом дверь в квартиру. Разделся. Лег в кровать. Голова кружилась, и земля вместе с ней. Часы на телефоне показывали 5. 04. Я перевернулся на живот, чтобы остановить головокружение. Если ты спишь на животе, то не захлебнешься в собственной блевотине, а в мире и без того полно тех, кто умер, захлеб-

нувшись в собственной блевотине, и у всех этих людей жизнь была поинтереснее моей. А еще я подумал, что если этой ночью умру, то это станет самой большой неудачей в моей жизни.

Я открыл глаза, сквозь жалюзи пробивался слабый свет. Я перевернулся под простыней и почувствовал, что голова кружится. За стеной мама возилась на кухне, гремел концерт из кастрюль и сковородок. Я встал. Зашел в туалет, яркий свет неоновой лампы на потолке заставил меня зажмуриться. Пописал сидя. Мое лицо в зеркале отсвечивало зеленым. Я зашел на кухню, в воздухе витали сильные запахи. На огне кипел соус, мама мешала его большой ложкой, держа в другой руке журнал. Я налил воды в стакан.

– Добрый день, – сказал я.

– Помойся и открой окно, от тебя воняет как в баре, – ответила она.

Я выпил воды и снова наполнил стакан: ничего нет лучше воды в воскресенье утром.

Я спросил, где отец, мама ответила, что он пошел на пробежку. Вода полилась в горло. Я поставил стакан на стол. Спросил, что мы будем есть, мама положила ложку на край кастрюли и направилась к двери.

– Ничего, есть нечего, – сказала она мне уже из коридора.

Я вернулся в комнату. Открыл окно и снова лег на кровать.

Завернулся в простыни, и мне почудилось, что я вдруг оказался в каком-то другом месте и теперь могу просто полежать в тишине и покое, что время тут остановилось, а скука и лень полностью оправданны.

Я проснулся от шума поднимающихся жалюзи и света, появившегося следом.

– Все готово, – сказала мама. – Иди за стол.

Я натянул свитер, умылся. Зашел в зал. Поздоровался с отцом, он мне сказал, что «Наполи» сегодня вечером играет отложенный матч, но я уже это знал.

– С кем играет? – спросила мама.

– С «Палермо», – ответил отец.

Мы сели за стол, на экране телевизора безостановочным потоком мелькали картинки. Отец включил новости, мама положила мне в тарелку первое. Ньюкки с помидором и кусочками копченой проволоки. Мы подождали, пока она тоже сядет за стол, и только потом начали есть.

– Знаешь, что натворил твой дед? – спросила меня мама, пока отец наливал ей в бокал красное вино. – Ударил старушку: видите ли, она слишком громко разговаривала, а его это раздражало.

– Как ударил?

– Отвесил ей пощечину, а потом толкнул.

Я только приподнял бровь, потому что на самом деле тут нечего было сказать. Деду, отцу матери, было 88 лет, и всю жизнь он делал то, что хотел, а сейчас его заперли в доме престарелых, и он сидит там, как лев в клетке, и никак не может успокоиться. Потому он и стал таким драчливым – это помогает ему чувствовать себя живым, а эта старушка была далеко не первым человеком, кого он ударил.

Я сказал матери, что он не может там оставаться, она сама видит, к чему это ведет.

Мама засуетилась, мотнула волосами:

– А где он должен быть? Он же невыносим.

Мы сменили тему.

Пока ждали мясной рулет, считали, сколько осталось родителям до пенсии. У мамы получилось десять лет, у отца – пять. Пока ели второе, говорили о мамином коллеге, который вечно создавал проблемы и все тормозил, но тут мое внимание привлекли новости по телевизору. Ночью на Сицилии и в Лечче выпал снег. Показывали выбеленные пляжи и волны, которые

выкатывались на берег и смывали снег, засыпавший песок. Я подумал, что «быть вместе» для моих родителей, по сути, сводится к рассказам о тех случаях, когда они не были вместе.

Я доел, спросил у мамы, можно ли взять ее машину, потому что на улице дождь. Она разрешила. Я позвонил Русскому и предупредил, что заеду. Набрал ванну и вымылся. Оделся там же, не выходя в коридор, потому что воздух в ванной нагрелся от горячей воды. Вернулся в комнату, заглянул в кошелек – там осталось 5 евро. Взял карточку из ящика стола – я хранил ее там на всякий случай, пока не понадобится: с глаз долой – из сердца вон. Заглянул в гостиную и сказал:

– Я пошел.

Родители все еще сидели за столом.

Я сел в машину. Спрятал плюшевого льва под пассажирским креслом. Завел мотор, отрегулировал зеркало заднего вида, потом включил кондиционер на обогрев и пристегнул ремень. Включил «дворники», – лило как из ведра. Я был уверен, что Русский сейчас сидит за письменным столом, рядом горит лампа, он с головой погрузился в сборку очередной модели танка, и мое появление оторвет его от этого занятия, я его подразню немного, а потом мы будем говорить о прошлой ночи, выберем фильм, на который мне будет абсолютно наплевать, и я беспардонно засну, отчасти чтобы позлить Русского, отчасти потому, что и правда устал. Потом проснусь и посмотрю матч на его компьютере, пока он будет, одну за другой, прилаживать крошечные детали к модели танка. Я уже знал, как все будет, но ничего страшного, сойдет и так. Все лучше, чем быть одному. «Кому надо оставаться в одиночестве, чтобы почувствовать себя еще более одиноким?» – думал я, с трудом пытаюсь включить третью передачу на виа Джустиниано. Опустил взгляд на коробку передач, дернул рукоятку со всей силы и одновременно уперся ногами, случайно прибавил газу, а когда выпрямился, то увидел совсем рядом автобус. Ударил по педали тормоза, но асфальт был мокрый, и машина не остановилась. Я потерял контроль над управлением. Снега не было и уже не будет. Я понял, что все закончится для меня очень плохо, но не думал о жизни и перед глазами не мелькали лучшие моменты из прошлого. Я не увидел бабушку, снова живую, готовящую мне сладкий хворост, ее большие крестьянские руки испачканы в тесте, на столе рассыпана мука, за окном холодный февральский день. Не увидел свой первый поцелуй с девушкой, у которой были черные волосы и родинка над губой, и мы стояли позади заброшенного салона «Альфа Ромео», стараясь не наступить на какой-нибудь испачканный кровью шприц.

Я ничего не видел, кроме автобуса, ярко-оранжевого, как апельсин.

Раздался скрежет, потом удар, что-то вроде взрыва, ноги чем-то придавило. Ремень натянулся, я влетел лицом в рулевое колесо, серое и твердое.

Я сидел неподвижно, лицом к соседнему сиденью, пытаюсь понять, жив я или уже нет.

Бардачок открылся, и я увидел, что его содержимое – бумаги, диски, документы – выпало и рассыпалось по коврику и пассажирскому креслу. Капли дождя шумели по крыше и лобовому стеклу, приглушая музыку по радио. Пела женщина. У нее был немного хриплый голос, и я понял, что еще не умер, но не могу пошевелиться. Потом кто-то открыл водительскую дверцу и вытащил меня наружу. Медленно довел меня до балкона. Мне помогли сесть, спиной к опущенным рольставням.

– Все в порядке? Что-то болит? – спросили меня, но я не смотрел ни на кого, не отвлекся и не отвечал.

Я засунул в рот пальцы и принялся пересчитывать зубы, проверяя, все ли на месте. У меня болело все тело, и особенно лицо. Я не плакал и был в шоке, застряв в мгновении, которого не существовало в реальности. Мой взгляд блуждал по сторонам, пока не наткнулся на то, что осталось от машины. Передняя часть была смята в лепешку. Капот открылся, из мотора валил белый дым.

– Вызовите «скорую»! – крикнул кто-то.

Черт бы побрал эту смерть, подумал я.

Огромные сосны шелестели под ветром, будто наряженные в юбки из невесомого атласа. Я лежал на кровати и смотрел на деревья, чаще всего по ночам, потому что если дни в больнице казались долгими, то ночи тянулись еще дольше. Прозвенел звонок, потом раздались стон, шарканье тапочек медсестры, после этого было сложно опять уснуть, зная, что кто-то умирает или случилось еще что-нибудь в таком духе.

В больнице я провел четыре дня и три ночи, но только первый день казался бесконечным. Рентген, компьютерная томография, в очереди я на кресле-каталке, приехали мои родители, мама плакала.

– О чем ты думал? Ты мог разбиться насмерть! – вскрикнула она, а я попросил ее привезти мне ноутбук и наушники.

Я лежал на кровати, переслушивал дискографию «Cure». Моим любимым альбомом так и остался «*Disintegration*», все остальные альбомы, которые вышли после 1989 года, за исключением нескольких песен с разных дисков, можно было вообще не слушать.

Удар был сильным. Меня осматривали на предмет повреждений, но сильнее всего болела спина. Поперек груди был кровоподтек, очертаниями повторяющий ремень безопасности, и врач мог бы принять меня за автомобильное сиденье в человеческой оболочке. Он взял мою карточку, прочитал и тут же исчез, даже не взглянув на меня.

Отношение поменялось, когда пришли результаты анализов. Врач заставил пересдать их, потом сравнил с предыдущими. Посмотрел на меня и перестал сомневаться:

– А ты определенно большой любитель выпить. Продолжишь в том же духе, и выпивка убьет тебя быстрее любой аварии.

Я ничего не сказал.

– Работаете?

– Нет.

– Женщины?

– Тоже нет.

Врач засунул руки в карманы халата. Потом вытащил одну и потер лоб.

– Ты из тех, которые предпочитают выбросить то, что сломалось, а не пытаться починить. – Он повернулся, чтобы уйти, и добавил: – Бедняга.

Среди тех, кто лежал со мной в одной палате, был один старик, Джерардо, с которым мы иногда разговаривали. Я звал его «дядей», из носа у него росли длинные седые волосы, переходящие в усы. Он лежал в больнице уже шесть месяцев. Ничего о себе не рассказывал, только повторял:

– Проблемы с желудком.

– На неделе мне будут делать колоноскопию, – однажды сказал он мне, когда мы вышли на балкон покурить, и я подумал, что он больше стыдился симптомов своей болезни, чем лечения.

Я сказал, что могу только представить то неудобство, которое он испытывал, а Джерардо ответил, что ко всему привык и ему наплевать; утром он зажал капельницу под мышкой, надел пальто, вышел из больницы и отправился завтракать, как ни в чем не бывало.

Потом, как и полагается, настал тот самый день.

– Завтра, – сказал врач, и наступило завтра.

У меня все еще болела спина, двигаться было трудно. Отец шел рядом со мной от дверей палаты до своей машины. Потеплело. Небо, краски, температура – все вернулось к обычным зимним показателям.

– Мамина машина? – спросил я у отца.

– Выкинули. На работу ее коллега подвозит.

Дверь в квартиру открылась, мама и Русский вышли поздороваться со мной. Я зашел в комнату, Русский сел на мою кровать и спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Я сказал только, что у меня болит спина. Вошла мама и принесла Русскому чашку кофе.

Он отпил и скорчил недовольную гримасу.

Я решил пойти в душ. Достал чистую пижаму и нижнее белье из ящиков.

– Ты должен помочь мне залезть в ванну, – сказал я Русскому. – Боюсь, что из-за спины сам не справлюсь.

Я медленно разделся. Русский стянул с меня носки, потому что я не смог нагнуться, и все время держал меня за руку, пока я раздевался и залезал в ванну.

– Не смотри на мой прибор.

Он ждал за дверью, я позвал его, когда пришло время вылезать из ванны, и пока Русский держал мне халат, я рассказал, что у меня забрали права.

Мы сели за стол. Лазанья болоньезе.

– Потрясающе вкусно, – похвалил Русский.

– Спасибо, – ответила мама.

– Подхалим, – сказал я. – Не обращай внимания. Он никогда не говорит то, что думает.

Русский опустил голову и посмотрел на меня поверх очков:

– Отлично, теперь у меня есть повод треснуть тебя по башке за тупость.

Мама тщательно прожевала кусочек и спросила его:

– Тебе кажется, что сейчас самое подходящее время для этого?

Русский, кажется, растерялся, это меня рассмешило.

– Мы так шутим, мама, успокойся, – сказал я, но разговор на этом закончился.

После обеда мы вернулись в мою комнату.

– Твоя мама просто питбуль, – сказал мне Русский.

– Да, – сказал я и тут же сменил тему, меня больше интересовало другое. – Та девушка из бара, вы больше не виделись?

– Я ей писал, но она не ответила. А у Сары не все в порядке с головой. Хочешь знать, что она сказала? – Пока Русский рассказывал, я лег на кровать. – Видите ли, мы слишком долго разговаривали и теперь она видит во мне только друга. Ну не идиотизм?

– Отлично, – ответил я. Потом сказал, что хочу немного поспать.

Русский взял куртку со стула и пожал мне руку. Посоветовал не перегибать палку, все не так уж и страшно. Потом попрощался с моими родителями и ушел.

Я остался один и вдруг понял, что на какое-то время словно оказался в другом мире. Авария, госпитализация, боль – все это отодвинуло на задний план то, что обычно занимало мое внимание, не позволяя увидеть ничего другого. Мои проблемы и волнения становились все меньше и меньше, пока не исчезли совсем, но потом я пошевелился в кровати, чтобы перевернуться, а спина не заболела, и все тревоги снова вернулись, и я почувствовал себя еще более одиноким, чем раньше. Подумал, что был бы не прочь чем-то заболеть. Например, лишиться ног, лежать в кровати не казалось мне большой проблемой. По крайней мере, не придется все время крутиться как сумасшедшему в бессмысленной надежде что-то изменить. Я представил, что остался без руки, и это мне понравилось куда меньше – писать будет нельзя. А потом подумал, что в моей жизни было много таких дней, когда я не написал ни строчки.

Я снова пошевелился, чтобы удостовериться, и не почувствовал ничего, никакой боли. Это было ужасно.

– Тебе что-нибудь нужно? – Мама зашла в комнату и подошла к моей кровати.

– Да. Выключи свет и закрой дверь, пожалуйста.

Так она и сделала. Я заснул почти сразу и, если слышал, что кто-то заходит в комнату, притворялся, что не слышу.

Я пролежал так до семи утра, потом встал и сел за письменный стол. Я подал заявку на участие в «Конкурсе на должность ассистента в суде: 800 мест» и время от времени занимался.

– Я была бы рада, если бы ты выиграл, – сказала мама за ужином накануне Рождества, перед дядями, тетями и прочими родственниками. – Помощники в суде работают до двух часов дня и при этом ничего не делают.

Я посоветовал ей не думать об этом, все равно я совершенно ничего не смыслю в юриспруденции.

– Будем надеяться, что моя мамочка поможет тебе, – сказала она, а потом встала, чтобы поцеловать фото моей бабушки, которая наблюдала с книжного шкафа, как мы едим.

Я снял колпачок с голубого маркера и положил лист бумаги рядом с книгой, чтобы записать ключевые моменты. Взял ручку. Я старался сосредоточиться на законе 241/90 и особенно на «*принципе прозрачности, принципе участия, ответственности за процедуру, рационализации административных процедур*». Потом перешел к тесту. Набрал пятьдесят баллов, восемнадцать правильных ответов. Бойня. Восемьсот мест, триста тысяч кандидатов.

Наступило время обеда, мы сидели за столом вдвоем с отцом – он остался дома, чтобы присматривать за мной.

– Как сыграли с «Палермо»? – спросил я его, в больнице Джерардо слушал матч по радио, но у меня слишком сильно болела голова, и в его воплях я различал только проклятия.

– Отвратительно, – подтвердил отец мои подозрения. – Поставили автобус перед воротами.

– Если не победим дома, надеяться не на что, – добавил он.

– Ну, слушай, у нас по меньшей мере тридцать ударов по воротам.

– А сегодня «Болонья». Там всегда паршиво играем.

Мой отец чистил клементины.

– На виа Эпомео застрелили кого-то. Слышал?

– Жизнь в городе кипит, – ответил я.

– Отличное сейчас время, – сказал он, намекая, что убили десятилетнего мальчика, арестовали восемьдесят шесть человек, накрыли четырнадцать точек по торговле наркотиками и застрелили одного человека, и все это – за одну неделю в двух шагах от нашего дома.

Я растянулся на кровати, начал смотреть четвертый сезон «Прослушки». Для скачанной серии не было ни итальянских, ни английских субтитров, поэтому я решил посмотреть ее в Интернете, в дубляже. Отец мыл посуду.

– Мне надо выйти по делам, – сказал он, когда закончил. Я поставил фильм на паузу. – Ты сможешь побыть дома один?

– Конечно, – ответил я.

– Если что-то надо, звони мне.

– Конечно.

Он закрыл входную дверь. Послышался звук поворачивающегося в замке ключа.

Теперь, когда меня никто не видел, я отчетливо понял, что никогда не смогу вернуться к учебе. Я встал, выключил свет и опустил жалюзи. Выключил «Прослушку» и зарылся в простыню. Аминь.

Пьяцца дель Джезу Нуово

Мне пришло письмо от Банка Неаполя. Я открыл его. Извещение о состоянии моего счета. Потом штрафы. С их вычетом, и получилось, что у меня остается 2033 евро. Поделил сумму на свои обычные траты, 200 евро в месяц, и понял, что деньги закончатся максимум через год. Включил ноутбук. Вбил в Гугле «*ищу работу в Неаполе*». Помощник парикмахера, мясник, оператор колл-центра, больше ничего. Открыл те ссылки, что открывались, и отправил письма с резюме в приложении. Три часа дня, завибрировал телефон.

– Да, да, о'кей, хорошо, – сказал я колл-центру в Фуоригротта.

Записал на клочке бумаги: «Виа Консальво».

– Завтра, в одиннадцать, хорошо, – сказал я и положил трубку.

Мама предложила заплатить за меня штрафы, если я займусь поиском работы. Я отказался, пытаюсь скрыть волнение. Сказал, что никаких проблем нет, мне не нужны деньги и работу я ищу постоянно, только вот она меня не ищет.

Я сидел в туалете, когда в дверь позвонили. Русский ждал меня в комнате, глядя в окно.

– Я привез тебе кое-что хорошее, – сказал он.

Из рюкзака появились бутылка водки и бутылка тоника.

Я спросил, не ограбил ли он магазин дисконта, и он ответил, что хорошие времена закончились.

Мы поставили ноутбук на стул напротив кровати.

Русский сказал, что фильм, который мы будем смотреть, называется «Семь психопатов», его снял тот же режиссер, что и «Залечь на дно в Брюгге», и спросил, помню ли я этот фильм, ведь он мне понравился. Да, ответил я, фильм мне понравился, но не помню почему. Я сходил на кухню за бумажными стаканчиками, потом вернулся в комнату и выключил свет.

– У тебя есть «Ангостура»? – спросил Русский.

– Нет.

– Лед?

– Не держим.

– Чипсы, арахис?

– Детей у нас дома не бывает.

Он плеснул содержимое бутылок в стаканы. Нажал «PLAY», и мы принялись прихлебывать наши теплые коктейли. В начале фильма двое мужчин на экране вели сюрреалистический диалог оскорбительного содержания. За их спинами появился какой-то тип в красной лыжной маске, быстро подошел, выстрелил обоим в головы в упор, а потом бросил на их трупы две игральные карты. Два бубновых валета. Надпись красным на экране: «ПСИХОПАТ № 1».

Русский засмеялся.

– Я уже понял, что мне не нравится, – сказал я.

Он посоветовал мне заткнуться и пить молча.

Черный экран, потом спящий Колин Фаррелл, на тумбочке рядом с кроватью – бутылка с выпивкой.

Фильм неумолимо продолжался.

Колин Фаррелл играл роль вечно пьяного засранца сценариста, дружил с еще большим засранцем, вел с ним банальные диалоги, пытаюсь выдать их за гениальные. «Семь психопатов» – так назывался сценарий фильма, который он писал, и один из этих психов был квакером.

Я спросил у Русского, есть ли у него диплом бармена.

– Вроде того, – ответил он.

– Что значит «вроде того»?

– И да, и нет.

– Боже.

– Да, я тебе говорил.

Я сказал, что ничего не знаю ни о нем, ни о его прошлом, и это наводит меня на мысли о великом Гэтсби.

Он ответил, что это было весьма посредственное кино, и нажал на паузу.

– «Великий Гэтсби» Фитцджеральда, – уточнил я, сделав ударение на «Фитцджеральде». – Один из самых известных романов всех времен. Там герой-богач, живущий на вилле, с таинственным прошлым. И Дейзи, которая его любит и в то же время не любит, а в конце она оказывается просто эгоистичной засранкой и сволочью, и расходятся они, как в море корабли, и зеленый огонек. Нет? Ничего? Никогда не слышал?

Он ответил, что для него «Великий Гэтсби» навсегда останется посредственным кино. Включил плеер.

На экране какой-то абсолютно лысый мужик почти застрелил чернокожую женщину. «ПСИХОПАТ № 3».

История становилась все более запутанной, и я вдруг почувствовал укол тревоги из-за того, что время и без того уходит, а я еще бесцельно транжирю его на просмотр таких вот фильмов. На экране появился старик с белым кроликом на руках.

– Русский, это же Том Уэйтс. Он певец, а не актер, – сказал я.

Мы снова наполнили стаканы.

– Если бы мы поехали в Лондон, ты мог бы устроиться куда-нибудь барменом и неплохо заработать.

– Я английского не знаю, – ответил он; на экране Колин Фаррелл пил пиво, потом, не допив один бокал, заказал второй. – Видимо, ты хочешь туда поехать?

– У меня скоро деньги закончатся, а если мы поедем вдвоем, будет гораздо проще.

– После фильма. Мы поедем после фильма, – сказал он и с улыбкой указал на экран.

Я проснулся от жажды, накрытый шерстяным пледом. Стаканы исчезли, водка тоже. Я встал, выпил воды и вернулся в кровать под одеяло. Спал глубоким сном, и когда проснулся, на дворе было уже утро. Колл-центр был не более чем в двух километрах от моего дома, обратно можно было доехать на автобусе, чтобы не карабкаться в гору.

Я тщательно побрился, выбрал чистый свитер и под него надел рубашку. Отец немного удивился, когда увидел, что я ухожу, но одна причина лежала на поверхности – хорошая погода, безоблачное небо, солнце стоит высоко и освещает все вокруг, отражаясь в стеклах припаркованных машин. Пока я шел по улице, представлял, как получу работу, у меня появятся деньги, буду жить на них в Неаполе до весны, а потом уеду в Лондон с неплохим бюджетом. Цифры на стене дома совпадали с цифрами на бумажке, я посмотрел на часы: еще четверть часа до назначенного времени. Закурил. Докурил, постучал. Мне открыла женщина.

– Очень приятно, Дора, – представилась она.

На ее лице была видна тень недавно сбритой бороды.

– Аморесано, – ответил я и пожал ей руку.

Она показывала дорогу. Это был не офис, а полуподвальное помещение. Там стояла рождественская елка, очень уродливая даже для искусственной. На фанерных столах стояли выключенные компьютеры – еще те, древние, с громоздкими мониторами.

– Итак. Почему ты ответил на наше объявление? – спросила Дора, когда мы сели.

– Потому что мне нужна работа, по правде сказать.

– Хорошо. В смысле, хорошо, что ты говоришь правду.

Она протянула мне листок, я его заполнил.

– Мы колл-центр, обслуживающий исходящие звонки. Знаешь, что это значит?

– Что вы обзваниваете клиентов.

– Да. Мы работаем с разными операторами телефонной связи. Кто-то из клиентов жалуется на то, что не работает Интернет? К нам поступает сигнал. Мы звоним этому человеку и предлагаем новый контракт. Твоя задача – сделать так, чтобы клиент записал голосовое сообщение, где скажет, что готов поменять оператора. Все понятно?

– Да.

– Это просто, вот увидишь. Часто даже забавно.

Она взяла листок с таблицей.

– У нас фиксированная ставка – 200 евро в месяц, работать надо шесть дней в неделю, пять часов в день. За каждый заключенный контракт ты получаешь 50 евро сверху, таких контрактов должно быть минимум четыре в месяц.

– А если нет?

– Если нет, тогда сотрудничество не выгодно ни тебе, ни нам. – Дора положила листок. – Приходи, потренируемся часа четыре. Потом две недели испытательного срока, он не оплачивается, за это время ты должен будешь заключить минимум два контракта.

– Если нет?

– Если нет, то испытательный срок ты не пройдешь. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо. На деле получается – двенадцать дней работы по пять часов в день абсолютно бесплатно.

– Да, это испытательный срок.

– О'кей.

– Воспринимай это как борьбу.

– Борьбу?

– Да, борьбу. Битву с самим собой.

– Интересно, – сказал я, она опустила взгляд и взяла сигареты из ящика стола.

– Куришь? Здесь можно курить и во время работы, – сказала Дора и потом попросила дать ей знать о моем решении в течение дня.

Я вышел и остановился подождать автобус. С 12 приехал очень быстро.

Я зашел домой, поздоровался с отцом, но мне никто не ответил, и тогда я принялся бродить от стены к стене, как призрак, снедаемый мыслью, что спасения нет.

За 2053 евро я могу купить билет на самолет до Лондона. Останется 1950 евро. Если в ближайшее время не найду жилье и работу, денег, за вычетом хостела и проездного, мне хватит максимум на два месяца, а может, и того меньше. Два месяца, если я уеду прямо сейчас, но идея, что каждый новый день будет отщипывать кусочек от бюджета, придавила меня к земле с такой силой, будто мне на грудь рухнула огромная наковальня. Если я останусь в Неаполе, то денег хватит на год, но я решил, что и через два года не найду работу и даже с колл-центром ничего не получится. Зарплата маленькая, а кроме того, я слишком скромный и не смогу заключать по четыре контракта в месяц. Моя скромность на самом деле не была той скромностью, которую можно преодолеть и пойти дальше, она была больше похожа на обет молчания, идущий от моего чрезмерного внимания к самому себе. Я подумал, что и на корабль не смогу вернуться, никто мне там не обрадуется, выходит, что любая из возможных дорог вела в кучу дерьма. Я предположил, что все может измениться, если я выиграю конкурс, как будто все зависело от замысла божьего. Дорога, вымощенная грехом, болью и искуплением.

Я открыл книгу.

Глава 12. *«Общественные блага и их экспроприация для общественных нужд».*

Начал читать: *«Общественные блага, принадлежащие государству или иному государственному органу, предназначены для удовлетворения общественных нужд».*

Не понял и перечитал, не помогло: я думал о другом.

Думал о том, что мир не любил меня, а я не любил мир. Думал, что однажды закончатся деньги и тогда я покончу с собой. Без лишнего шума, просто потому, что это – абсолютно рациональное решение.

Я закрыл книгу.

Наступила очередная пятница, но в эту пятницу был матч. Я позвонил Русскому. Предложил посмотреть игру вместе, он попросил даже не заикаться об этом, я в ответ спросил, когда он наконец станет настоящим мужчиной. Мы договорились встретиться в центре, когда матч закончится.

– Знаешь, Сара тоже придет, – сообщил он мне.

Пока я ждал поезд, один тип, от которого воняло прогорклым вином, встал передо мной – крошечная фигурка вдали – и стал мочиться, сперва на стену, потом на рельсы.

Приехав в Монтесанто, я сразу же направился на пьядца Джезу. До начала матча оставалось совсем немного времени, и я вошел в бар. Все места были заняты, народ смотрел телевизор, где по экрану ходила женщина, камера выхватывала то ее ноги, то парочку бывших футболистов.

– Маленькую бутылку «Перони», – попросил я. – Еще одну, – сказал я, когда первая закончилась. – И еще одну.

А потом начался матч. «Наполи» вышел на поле в белых футболках. Инсинье был в стартовом составе, вратарь поплевал на перчатки.

Я прихлебывал свое пиво, когда Кальехон мощным ударом перевел мяч точно на Гамшика, который нырнул под него рыбкой и пробил головой. Мяч влетел в сетку за спиной вратаря, у дальней штанги, и все в баре вскочили на ноги, стулья попадали на пол. Люди стали кричать, хлопать друг друга по спине, обниматься, и я рассмеялся, потому что Гамшик остановился на линии ворот, застыл, руки на бедрах, и так смотрел на курву болельщиков «Болоньи».

Я выпил и расслабился, но тут Зелиньски получил мяч и бросился в атаку, ветер ерошил короткий ежик светлых волос поляка. Увидел, что с нашей половины поля бежит Инсинье и зарядил передачу на сорок метров. Мяч взмыл высоко в воздух, исчез с экрана телевизора и появился уже на груди Инсинье, который обработал его, не снижая скорости. Добежал до края штрафной, ударил низом, мяч прошел слева от вратаря. Потом Инсинье раскинул руки и опять побежал.

Крики стали еще громче, кто-то вскочил со своего места.

Только я сидел молча, потеряв голову от любви.

Потом подошел к стойке и попросил маленькую бутылку «Перони», матч скользил по накатанной до тех пор, пока Кальехон не сошел с ума и не подыграл себе рукой, притом намеренно. Арбитр назначил пенальти, игрок «Болоньи» установил мяч на одиннадцатиметровой отметке и посмотрел на вратаря. Вратарь сначала отбил мяч, а потом зафиксировал его. Все заорали, но Кальехон сфолил и заработал удаление.

Синьор, сидящий в первом ряду у телевизора, повернулся и посмотрел на остальных. Поднял бокал с вином:

– Как-то странно все это: пью я, а пьянеет Кальехон?

Ведем в два мяча, у «Наполи» на одного полевого игрока меньше, чем у соперника, надолго нас может не хватить.

Я сделал большой глоток пива, и мне захотелось курить. Мертенс перехватил мяч в центре поля, отдал его Инсинье, тот передал пас назад, Мертенс бросился вперед, чтобы перехватить длинную передачу к воротам.

– Ну, ну, – твердил кто-то, подгоняя его.

Игрок «Болоньи» толкнул его, и Мертенс упал.

– Ну! – заорали все, арбитр услышал их просьбы и показал красную карточку.

Мертенс взял мяч, установил его. Сорвался с места, сперва он, потом мяч, который не полетел в стенку, а скользнул вбок, потом к вратарю и перелетел через него.

3–0, число игроков на поле равное.

Все ликовали, а я молчал. Взял пиво и вышел покурить в одиночестве.

Закурил и почувствовал, что я что-то значу. Я застрял в паутине разрушенного города, в котором музыка мертва, кинематограф мертв, литература мертва, а я, тоже не особенно хорошо себя чувствующий, наконец нашел что-то живое, сильное, боеспособное, то, что может схватить тебя, изнасиловать и бросить на землю твой труп, если захочет.

Этот второй «Наполи», времен Сарри, со своей гармонией, синхронностью движений, был самым сильным составом «Наполи» из всех, что я помнил. Мимо меня проходили люди, но я их не видел, потому что с головой погрузился в прошлое, повторял имена нападающих, которые играли в паре в атаке в разные годы, и получалось, что «Наполи» Сарри действительно самый сильный. Сильнее даже того, где играл Марадона, потому что в составе того «Наполи» был Марадона, но, кроме Марадоны, никого не было. Или, по крайней мере, мне так казалось, потому что я не застал то время, а матчи смотрел на видеокассетах. Я помнил только, как мы праздновали выигрыш второго скудетто. Или, может, я и не видел этого, но мама столько раз об этом рассказывала, что в какой-то момент у себя в голове я увидел фильм. Вот я, четырех лет от роду, держу маму за руку, пока мы стоим у дороги. Перед нами виа Джустиниано, проезжающие машины сигналият, кто-то играет на трубе, кто-то орет, наполовину высунувшись из окна, кто-то размахивает флагом, камера отъезжает назад, показывает наши спины, многоквартирные дома, перед нами расстилается район Трайяно и будущее, более-менее светлое и не такое уж далекое. Я поворачиваюсь к маме, улыбаюсь ей, растерянный и смущенный всем этим шумом и буйством красок. Она улыбается в ответ, потом камера возвращается на прежнюю точку за нашими спинами и удаляется, открывая вид на праздник, многоквартирных домов становится все больше и больше, они красные и высокие, камера удаляется – дальше, дальше, пока наши с мамой фигуры не превращаются в крошечные точки на сером асфальте, в окружении красных домов и лазурного неба. Лазурный Неаполь, с маленькими белыми облачками. Белыми, как детские шортики. Так все и было.

Я направился к центру улицы. Остановился в начале спуска, посмотрел на пьядца Монтеоливьето и белый фонтан. Он был подсвечен фонарями и ночью становился оранжевым. На бортиках сидели дети. Я увидел их маленькие фигурки. Вздохнул.

– *Vámonos! Vámonos!*¹¹ – закричал кто-то, но улица осталась, как и раньше, пустой.

Я повернул к выходу с площади. Низкие дома теснились до самой пьядца Дезу, вдоль улицы стояли столики у баров и пиццерий, тишина. Черная мадонна на обелиске в центре площади наблюдала за мной. Я собрался было уйти, но остановился, потому что почувствовал – сейчас что-то произойдет. Закрыв глаза, снова открыл, посмотрел на спуск, прищурился, чтобы лучше видеть, и первое, что я заметил, было ее пальто цвета верблюжьей шерсти. Она держала руки в карманах. В ложбинке ее спины мое воображение дорисовало рюкзак, а когда она подошла ближе, я увидел, что на ней джинсы с дырками на коленях. Потом увидел ее каштановые волосы, рассыпавшиеся по плечам, ее брови – великолепные, губы – великолепные, нос и скулы – тоже великолепные, она скользнула по мне взглядом, и этой секунды ей хватило, чтобы оценить меня, и в эту же секунду я почувствовал, что я здесь, живой и испуганный.

Она прошла мимо. Стала подниматься на холм, и все для меня снова стало как раньше.

Я осознал, что больше всего в жизни мне не хватало не просто любовных утех, а ее.

Я попался на крючок и сделал первый шаг за ней. Мы поднялись на холм, потом перешли площадь, она впереди, я сзади. У нее на спине и в самом деле был черный рюкзак. Началась виа Бенедетто Кроче, фигуру девушки проглотили дома, а следом за ней проглотили и мою

¹¹ «Идем, идем!» (*исп.*)

фигуру. Мы шли вместе, но на расстоянии друг от друга. На пьядца Сан Доменико прошли мимо витрины бара, и я увидел, что «Болонья» забила, но теперь меня это не интересовало, я думал о другом, например о том, что ей сказать. Я никогда не знакомился с женщинами на улице и подумал, что сейчас отличное время начать, и дома придвинулись ближе, окрасив все в черный цвет. Мопед проехал сперва мимо меня, потом мимо нее, и она обернулась посмотреть на него, а потом мы услышали радостные вопли, и стало понятно, что «Наполи» снова забил. Она подняла голову, чтобы посмотреть, кто там кричит с балкона, и я увидел ее профиль, маленький носик – само совершенство, мне захотелось откусить его, оторвать, сделать из него амулет, чтобы всегда носить в кармане.

Она повернула направо, на виа Дуомо, край пальто колыхался, как в танце. Я подошел ближе, но по-прежнему не знал, что сказать. Пиво, плескавшееся в желудке, перетекло в грудь и взорвалось там. Я закурил, чтобы перебить табачным запахом запах алкоголя. Отвлекся, пока прикуривал, и столкнулся с ней на краю тротуара, где она остановилась подождать просвет в потоке машин. На другой стороне дороги был собор, желтый, как и мы, она сперва смотрела туда, а потом перевела взгляд на меня.

Я был не готов к этому.

– Ты – самая красивая девушка Неаполя, который ведет 4–1 в Болонье, – сказал я ей.

Она улыбнулась, потом рассмеялась.

– Спасибо, – сказала она, отвернулась и перешла дорогу.

Голос у нее был глубокий, чувственный – безупречный.

Я ускорил шаг и пристроился сбоку от нее. Она посмотрела на меня, словно вынося обвинительный приговор.

– Да, я правда иду за тобой, но не потому, что я псих, – сказал я, извиняясь.

– И чего хочешь? – спросила она, не останавливаясь.

– Поговорить с тобой.

– Я тороплюсь.

– Тогда я тебя немного провожу.

– Тебе больше делать нечего? – спросила она, не сбавляя шаг.

– Почему ты торопишься?

– Надо заниматься. У меня в понедельник экзамен.

– Что изучаешь?

– Философию.

– Сочувствую, – сказал я и потом засмеялся.

– Тебе не нравится философия?

– Дело не в этом, просто там очень много всяких деталей, я в них теряюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.